

От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли*

DOI 10.22394/1726-1139-2017-8-119-132

Безлепкин Николай Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Научный редактор издательско-полиграфического центра
Доктор философских наук, профессор
nick-bezlepkin@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию эволюции философско-исторических взглядов в отечественной философской мысли. Автор придерживается точки зрения, что эволюция взглядов на исторический процесс, его цели и смысл развивалась в русской общественно-политической и философской мысли от историософии к философии истории. Истоки отечественной историософии связаны с традиционалистской системой ценностей, которая сложилась под влиянием греко-византийской традиции и православной церкви и впитала в себя основные черты христианства. Философия истории возникла на почве модернистской системы ценностей и сциентистского осмысления истории в XIX в. В статье утверждается, что понятия «историософия» и «философия истории» не являются синонимами, а отражают различный уровень и глубину осмысления истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

философия истории, историософия, онтология и эпистемология истории, всемирная история, всеобщая история, провиденциализм, эсхатологизм, провиденциализм, прогрессизм, мессианство, историография, методология

Bezlepkin N. I.

From historiosophy to the philosophy of history: the evolution of views on history in the domestic philosophical thought

Bezlepkin Nikolay Ivanovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Scientific Editor of the publishing and printing Center
Doctor of science (philosophy), professor
nick-bezlepkin@yandex.ru

ABSTRACTS

The article is devoted to the study of the evolution of philosophical and historical views in the domestic philosophical thought. The author defends the point of view that the evolution of views on the historical process, its goals and meaning, was realized in Russian socio-political and philosophical thought from historiosophy to the philosophy of history. The origins of domestic historiosophy are connected with the traditionalist value system, which was formed under the influence of the Greco-Byzantine tradition and the Orthodox Church and absorbed the main features of Christianity. The philosophy of history arose on the basis of the modernist system of values and scientific interpretation of history in the 19th century. The article states that the concepts of «historiosophy» and «philosophy of history» are not synonymous, but reflect a different level and depth of comprehension of history.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-03-00488а.

KEYWORDS

philosophy of history, historiosophy, ontology and epistemology of history, world history, universal history, providentialism, eschatology, progressivism, messianism, historiography, methodology

Для отечественной социально-политической и философской мысли на всех этапах ее эволюции характерно обращение к вопросам о смысле истории, об историческом предназначении России, определения ее места и роли в мировом цивилизационном процессе. Стремление определить место страны в окружающем ее мире, понять характер и значение взаимосвязей с цивилизациями Запада, найти оптимальное соотношение между курсом на приобщение к европейским ценностям и естественным желанием сохранить свою национальную и историческую самобытность — выступало центральной идеей самых разнообразных по своей направленности социально-политических и философских учений.

Диапазон мнений и оценок, высказываемых относительно места и роли России в цивилизационном процессе, часто носил диаметрально противоположный характер — от признания ее мессианской роли и особого предназначения до попыток вывести на периферию всемирной истории. В значительной степени направленность этих оценок была обусловлена сложностью отечественной исторической почвы и многообразием ее отображения в общественном сознании, что порождало разнообразные историософские и философско-исторические учения. На данное обстоятельство указывал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, который отмечал, что в России имело место противостояние традиционалистской и модернистской систем ценностей, проходившее через противостояние науки восточной, греческой или византийской, влияние которой проводилось православной церковью, и западной науки, поддерживающейся и внедрявшейся государством. «Наука и искусство, — пишет Ключевский, — ценились на Руси по их связи с церковью как средства познания слова Божия и душевного спасения» [13, с. 266]. В свою очередь западные наука и искусство являлись как «необходимые условия благоустроенного и благообразного общежития, находившие свое оправдание в себе самих, а не в служении нуждам церкви» [13, с. 267].

Наиболее зримо противостояние этих двух систем ценностей нашло свое воплощение во взглядах на историю, на смысл исторического процесса, на определение места России в цивилизационном развитии. Концептуально данные системы ценностей оформились как историософия, основанная на традиционалистской системе ценностей и акцентировавшая внимание на национальной самобытности, и как философия истории, возникшая на основе модернистской системы ценностей и сциентистском осмыслении истории. Историософская традиция, берущая свое начало с постановки вопросов о том, «откуда пошла земля Русская?» и «кто в Киеве начал первым княжить?», крещение Руси и отношение к этому событию современников, задолго предшествовала появлению философии истории. Она была рассредоточена в разнообразных текстах и памятниках культуры, а не в специальных наукообразных трактатах. В свою очередь отправным пунктом для становления философии истории стала институционализация науки истории и профессионализация философии [15, с. 10].

Между тем по сей день не только в общественном сознании, но и в научной публицистике бытует мнение, что понятия «историософия» и «философия истории» — это синонимы, отражающие взгляды на процессы осмысления истории. отождествление данных понятий имеет место даже в работах специалистов по философии истории. Так, Ю. И. Семенов в своем фундаментальном исследовании «Философия истории. Общая теория исторического процесса» отмечает, что «когда говорят

о философии истории, то чаще всего практически имеют в виду... собственно историософию, ...взятую вместе с общей теоретической историологией» [20, с. 17]. Как полный синоним более громоздкого «философско-исторический» (или «относящийся к философии истории») рассматривает термин «историософский» Н.С. Розов, подчеркивая, что не подразумевает, таким образом, никаких специальных религиозных, эсхатологических и т. п. коннотаций [18, с. 7]. Аналогичен подход авторов учебного пособия под редакцией А.С. Панарина, где философия истории (историософия) представляется как раздел философии, призванный ответить на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о возможностях обретения общечеловеческого единства [24, с. 8].

Однако отождествление историософии и философии истории не вполне оправданно как с точки зрения эволюции взглядов на историю, так и с позиций различных ценностных оснований, лежащих в их основе, а также типических черт, различающих их. Представляется важным разграничивать понятия «историософии» и «философии истории» с целью вычленения специфического видения и толкования проблем истории с точки зрения этих концепций, имеющих не только сугубо теоретическое значение. Справедливо в этом отношении замечание Н.С. Розова о том, что «если учесть растущий уровень рефлексии правящих и интеллектуальных элит многих стран относительно направлений национального развития, а также ускоряющиеся перемены в мире, соответствующую необходимость гибкой корректировки политической стратегии и системы приоритетов в каждой стране, то можно ожидать, что недалеко времена, когда целенаправленная работа по историческому самоопределению станет необходимой и перманентной составной частью выработки политической стратегии развития в каждой уважающей себя державе. В этом смысле рассуждения о том, что философия истории должна систематически давать «продукт» в ответ на внешние социальные «запросы», могут оказаться уже отнюдь неотвлеченными» [18, с. 13].

Возникновение рефлексий относительно отечественной истории, как отмечено выше, связано в первую очередь с распространением христианства на Руси. Традиционалистская система ценностей, возникшая на основе греко-византийской традиции, посредством христианства способствовала приданию русскому обществу духовной цельности, ввела понятие истории, ограниченной во времени, начинающейся с сотворения человека Богом и кончающейся его окончательным спасением. Неслучайно, что отечественные историософские концепции изначально обладали чертами, указывающими на их родство с христианством — это провиденциализм, эсхатологизм, телеологизм, мессианство и прогрессизм.

Идея провиденциализма — зависимости исторического процесса, судеб человечества от воли высшего начала — Бога, появляется с возникновением монотеистических религий, отвергающих природный критерий в познании социального мира. Явление богочеловека представляет собой фундаментальную основу осмысления истории. Возникает метафизика истории, ставящая своей целью познание смысла общественного бытия, его внутренних тенденций и закономерностей. Христианская историософия основывается на оппозиции истории «небесной» и истории земной, которая олицетворяет взаимоприсутствие провиденциально-объективных и субъективных факторов исторического становления как всечеловеческого искупления первородного греха. Само грехопадение в историософских концепциях осмысливается как метафизический момент «начала истории», а искупление и становление Богочеловечества как раскрытия провиденциального смысла мироздания (поворотный пункт земной истории — пришествие Христа как акт личностного воплощения Богочеловечества) являет собой момент «окончания истории». В подобной богословско-провиденциалистской традиции написана «Повесть вре-

менных лет» — одно из древнейших дошедших до нас отечественных историософских произведений, где Нестор, монах и ученик ревностного сторонника православия Феодосия Печерского, старался следовать этой традиции в своем истолковании исторических событий, ставить историософские задачи о самобытности славянского народа и его роли в истории.

Эсхатологизм историософии был связан с тем, что в этих концепциях отрицалась всякая ценность мирской истории народов. В истории смысл виделся за ее пределами, что предполагало ее конец. Значение того или иного исторического события оценивалось лишь по отношению к некоему большему событию или цели, достижение которой с необходимостью влечет за собой прекращение исторического процесса. Таким событием в христианской традиции является Судный день, который есть окончательный финал человеческой истории и который придает потенциальный смысл всем историческим событиям. Эсхатологические концепции о конце мира нашли широкое отражение не только в текстах русской культуры, но и в памятниках мифологической и религиозно-философской литературы других народов, в частности, в таких, как: «Эпос о Гильгамеше», «Египетская книга мертвых», Упанишады, «Индусская книга смерти» (раздел Гаруды-пураны), Апокалипсис (и другие книги Ветхого и Нового Завета), «Тибетская книга мертвых» (Бардо Тхедол), «Прорицания Вельвы» из «Старшей Эдды», в метафизических построениях индийских, греческих, европейских философов.

Эсхатология была чрезвычайно актуальной и в отечественной мысли и связана с апокалиптическими идеями, связанными с нашествием на Русь татаро-монгол (тогда же создается сказание о граде Китеже), приближение 1492 г. от Рождества Христова или завершение семи тысяч лет от сотворения мира (5508 г. до н. э.), которые отождествлялись с семью днями творения. Эсхатологичной по своей сути была и теория псковского монаха Филофея «Москва — третий Рим», которая исходила из идеи смены трех мировых царств, чередующихся в порядке преемственности тех народов, которые Бог избирает орудием своих предначертаний. Падение Римской империи и Византии, по мнению Филофея, было расплатой за измену истинному христианству — православию, а с гибелью «третьего Рима» — России, настанет конец мира, Страшный суд, поскольку «четвертому не быть» [17, с. 426, 440].

Характерной чертой отечественной историософии является также присутствие в ее концепциях идей мессианства, которые непосредственно связаны с проблемой времени, с напряженным ожиданием великого явления в будущем — явления Мессии и мессианского царства, т. е. воплощения Смысла, Логоса в истории. Можно сказать, что мессианизм конструирует историческое, поскольку во времени осуществляется Божественная воля, направленная на реализацию высших провиденциалистских целей, известных людям лишь частично, окончательное познание которых без Божественного откровения невысказуемо. Историософия, полагал Н. А. Бердяев, это всегда пророчество, выходящее за пределы научного познания. Эти пророчества мы видим и в Библии, и у Гегеля, и у К. Маркса. Необходимость и неизбежность пророчества в том, что история — это не только познание прошлого, но и познание будущего, она всегда пытается открыть смысл, который может быть явлен лишь в будущем. «Когда Гегель утверждает, что в прусском государстве будет явлена та свобода, которая есть смысл и цель мировой истории, когда Маркс утверждает, что пролетариат будет освободителем человечества и создает совершенный социальный строй, или Ницше утверждает, что явление сверхчеловека в результате эволюции человечества будет явлением смысла земли, то все они утверждают мессианское и профетическое сознание, оповещают о наступлении тысячелетнего царства. Ничего подобного не может утверждать наука» [2, с. 260]. Исторический процесс в историософии оказывается вписанным в универсальный процесс становления мира и его «свершения». В этом проявляется заложенное в историософии телеоло-

гическое понимание исторического процесса, способствующего ее превращению в метафизику истории с характерными для нее «априорной логичности» и поступательно-линейной схемой [15, с. 39].

В мессианском ожидании заключены и истоки прогрессизма. С. Л. Франк, характеризуя наиболее распространенный ложный тип философии истории, под которым подразумевается именно историософия, пишет, что он «заключается в попытке понять последнюю цель исторического развития, то конечное состояние, к которому она должна привести и ради которого творится вся история; все прошедшее и настоящее, все многообразие исторического развития рассматривается здесь лишь как средство и путь к этой конечной цели, а не как нечто имеющее смысл в самом себе и на равных правах соучаствующее в целостной жизни человечества. Философия истории такого рода опирается на веру в «прогресс». Человечество — согласно этому воззрению — непрерывно идет вперед, к какой-то конечной цели, к последнему идеально завершенному состоянию, и все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к цели» [25, с. 28]. Таким образом, историософия все многообразие исторического развития рассматривает лишь как средство и путь к конечной цели и опирается на веру в «прогресс». Человечество непрерывно идет вперед, к какой-то конечной цели, к последнему идеально-завершенному состоянию, и все сменяющиеся исторические эпохи суть лишь последовательные этапы на пути продвижения к этой цели.

Следует при этом отметить, что далеко не все историософски мыслящие представители русской интеллигенции разделяли веру в прогресс. Это относится, прежде всего, к личности П. Я. Чаадаева, который полагал, что не всякий исторический процесс может считаться прогрессом, а значит, претендовать на смысл и телеологичность. В своих «Философических письмах», которые еще называют «Письмами о философии истории», он полагал, что и личности, и народу недостаточно только «жить», чтобы иметь право на внимание со стороны; кому интересен процесс такой растительной жизни, не имеющей внутреннего смысла, не освященной всеобъемлющей идеей [27]. В качестве такой освящающей внутренней идеи Чаадаев видел христианство, являющееся проявлением руководства Богом человеческого рода на его историческом пути и указывающего цель и смысл как отдельной личности, так и народам.

Историософские концепция, в силу присущих им черт, в разные исторические периоды создавали в общественном сознании самые разнообразные историософские картины мира от сугубо религиозных истолкований исторического процесса до сциентистски ориентированных на какую-нибудь иную «веру» — в прогресс, в глобализм, коммунизм и т. п. Все главные черты историософии имеют место и в философской культуре Европы: практически все универсальные метафизические системы новоевропейской философии включают в себя целостные историософские концепции. Изменениям в основном подвергается понятийно-концептуальный аппарат историософии, приближающийся, с одной стороны, к современной метафизике, а с другой стороны, используемый для выведения конкретных социально-политических концепций. Одновременно происходят и перемены в фундаментальном обосновании историософских учений: вместо авторитета Священного Писания и персонального интуитивно-мистического опыта философа, в качестве такого критерия выступает «исторический разум» как единство познавательных, системно-организующих и практических способностей человека. Но сам тип осмысления исторического процесса с позиции того или иного руководящего принципа, монистического закона истории сохраняется и их присутствие обнаруживается и в гегелевской историософии, и в марксистской философии истории. При этом характерной чертой новоевропейской историософии становится принцип европоцентризма, как своего рода аналог иудео-христианского мессианизма и избранничества. Суть его в том, что логика всемирной истории выстраивается по об-

разцу истории европейской цивилизации: само понятие «всемирная история» предполагает идею общего источника и единых для всего человечества закономерностей исторического становления. Тем самым утверждается универсальность культурно-исторических претензий европейского типа цивилизации и рационально-технологической культуры. Вместе с тем активный процесс секуляризации, начавшийся в эпоху Просвещения, способствовал освобождению европейской историко-философской мысли от религиозного влияния.

Русская историософия менее новоевропейской подверглась секуляризации в процессе своей эволюции. Центральными темами отечественной историософии, по мнению В. В. Зеньковского, продолжали оставаться вопросы о человеке, о его судьбе, о смысле и целях истории. «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п.» [9, с. 16]. На это обстоятельство обращал внимание и Н. А. Бердяев: «Оригинальная русская мысль рождается как мысль историософическая. Она пытается разгадать, что помыслил Творец о России. Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада, или совсем особый, Свой путь?» [1, с. 5]. Религиозность ограждала русскую историософию от влияния позитивизма, придавала ей целостность и полноту, которые были недостижимы для современных сциентистски ориентированных концепций исторического процесса. Русская историософия все больше обращается к духовно-нравственным принципам осмысления истории, размышляет о путях реализации сущностных сил человека в истории, духовно-нравственном смысле исторических явлений и в этом отношении она парадигмально противостояла западному абстрактно-объективистскому подходу. Именно русская историософия породила «новое религиозное сознание» конца XIX — начала XX в., «аналогичное схоластике и неотомизму», что является лишним подтверждением, что она не меньше других направлений русской философии стояла под знаком европеизма и рационализма [8, с. 38]. В историософских учениях П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и др. можно найти как общие схемы мировой истории, так и обширные философские концепции русской истории. Размышления о «судьбе России», о «русской идее», о месте России среди других народов и цивилизаций сложились в обширную историософскую традицию, которая заняла доминирующее место в русской философии и составляет весьма значительную ее часть.

Историософизм русской философии, впитавшей традиционалистскую систему ценностей и прежде всего православную традицию и ее интерпретации, характеризуется восприятием истории как раскрытия Божественного промысла во временной координате. По мнению Н. А. Бердяева, понять смысл мира — «значит понять провиденциальный план творения, оправдать Бога в существовании того зла, с которого началась история, найти место в мировоззрении для каждого страдающего и погибающего. История лишь в том случае имеет смысл, если будет конец истории, если будет в конце воскресение, если встанут мертвецы с кладбища мировой истории и постигнут всем существом своим, почему они истлели, почему страдали в жизни и чего заслужили для вечности, если весь хронологический ряд истории вытянется в одну линию и для всего найдется окончательное место» [3, с. 127].

Под влиянием успехов в изучении истории культуры в XIX в. получает свое воплощение в русской историософии также и пространственная координата посредством преломления Божественного промысла через своеобразие народов и культур, в результате чего реанимируется проблема национальной идеи. В русской историософии национальная идея всегда присутствовала в качестве важнейшего элемента религиозной историографии. Начиная с первых ответов на вопрос «откуда есть пошла русская земля», через летописи, послания, панегирики, жития,

легенды, через теорию «Москва — третий Рим», через споры об исключительности православного царства и самого православия, наконец, через русскую государственность — хорошо различимы усилия отечественных мыслителей постичь не столько саму эмпирическую ткань истории, сколько преобразующую ее провиденциальную, Богом задуманную умопостигаемую идею, задачу, судьбу, миссию [12].

Для русской историософии с середины XIX в. и едва ли не для всего XX в. тема «русской идеи» является пронизывающей и всеобъемлющей. О ней писали П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Иван и Константин Аксаковы, И. В. Киреевский, К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский, Ф. И. Тютчев, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, Л. П. Карсавин, евразийцы, самиздат 1970–1980 гг. Этот далеко не полный перечень авторов, обращавшихся и по сей день пишущих о «русской идее», характеризует, по замечанию Л. В. Карасева, общая одержимость идеей о другом мире. Русская идея, по его мнению, есть «идея об изменении, ибо достигнуть чего-то иного можно, либо изменив мир, либо самого себя» [10, с. 95]. Познать же суть национальной идеи нельзя, считал В. С. Соловьев, поскольку то, что народ думает о себе во времени, и то, что Бог думает о нем в вечности — вещи разные [21, с. 220]. Отечественная историософия, представляющая собой совокупность мировоззренческих концепций о смысле и цели истории и пронизывающая все пласты русской культуры, в силу присущей ей эсхатологичности и провиденциализма не могла дать исчерпывающего ответа о том, как достигнуть этого другого мира или его изменить. Телеологизм и абстрактный прогрессизм историософии были ориентированы исключительно на организацию и построение царства Божьего на Земле.

Реализация пространственной координаты в историософских концепциях знаменовала их эволюцию в направлении осмысления целостности исторического процесса с позиций национальных архетипов. Изменение представлений об историческом субъекте, которым становится народ, нация, государство, повышенный интерес к истории культуры, появление новых концепций языка — все это существенно влияло на историософские представления. Историософия все более предстает как такой вид философской рефлексии над историей, для которого характерно заострение внимания на проблемах своеобразия национально-исторической судьбы страны, народа. Акценты в этих концепциях смещаются от общемировых, общечеловеческих тенденций (ими занимается философия истории), к — национальным. Историософия, по мысли Эрнста Трельча, «чрезвычайно углубила и осветила духовную жизнь, научила действительно понимать искусство и литературу и прежде всего сопутствовала своим пафосом образованию национальных государств и наполняла их своим содержанием» [22, с. 16]. Неслучайно, что потребность в историософии сильнее всего проявляется в тех обществах, где наиболее остро стоит вопрос о национальной и культурно-исторической идентичности личности или народа, о его месте в мировой цивилизации. «Проблема «смысла» истории, «судьбы» и «назначения» национальной истории, — по наблюдению В. П. Филатова, — может не слишком волновать людей, которые живут в обществах с устойчивой национальной исторической традицией. Они, как правило, довольствуются непосредственным историческим сознанием и не нуждаются в историософском оправдании своего места или цели своего существования в этом мире. Возможно, поэтому и у классиков английской или французской философии мы не обнаруживаем тяги к историософским построениям, особенно национально ориентированным. Если исторический процесс и обсуждается ими, то обычно в плане реальной политической философии или же в универсальной, «космополитической» перспективе» [23].

Обогащение историософии новым эмпирическим материалом из области истории и культуры, «пробуждение сознания об исторической особенности и высоте

собственной эпохи» [22, с. 21] одновременно стало и началом появления философии истории. Возникновение в России в XVIII в. исторической науки и профессионализация истории явилось исходным пунктом для становления отечественной философии истории. «Когда в XVIII в. философия, — подчеркивает Ю. В. Перов, — открыла для себя общественную историю в качестве существенного и достойного предмета философствования, светская философия истории видела себя прежде всего в форме теоретического знания об историческом процессе» [16, с. 62]. Философия истории — «дитя XVIII в.» и возникла она «именно тогда, когда в ней нуждались, когда размышление о существенных целях духа потребовало знания истории, а история — включения в философское мышление. С обеих сторон эта потребность, — подчеркивает Эрнст Трельч, — возникла в один и тот же момент и по одной и той же причине. Культурное сознание требовало понимания становящейся все более известной и значимой смены больших культурных периодов, а история стала требовать ответа на вопрос о единстве, цели и смысле, как только она распространилась на достаточно многообразные области» [22, с. 17].

Однако только с середины XIX в. в России в результате научной деятельности Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева, В. И. Герье, В. О. Ключевского русская историческая наука, накопив огромный эмпирический материал, начала задаваться теми же, что и философская мысль, вопросами о смысле исторического бытия, о путях и судьбах исторического развития России в ее отношении к мировому историческому процессу. Когда эти вопросы наконец стали достоянием общественного интереса, выявилась очевидная тенденция сближения истории с философией. В результате, с одной стороны, вопрос «как возможно историческое знание» стал включаться в систему философского знания, с другой стороны, философии истории стало «вменяться в обязанность» исследование оснований исторического знания и специфики истории как понимающей и объясняющей науки. Последнее позволило объединить обе области знания под общей эгидой философии истории.

Возникновение философии истории стало ответом на потребность осмысления истории как целого. Развитие исторического познания и философско-исторической мысли показало: теоретическое осмысление истории в целом становилось тем более глубоким и содержательным, чем больше оно опиралось на развитие конкретно-исторических знаний о событиях и эпохах человеческой истории. Варианты этого осмысления отличались уровнем обобщения и охвата исторической реальности, степенью концептуализации и проникновения в сущность исторического процесса. Формулируя задачи философии истории, Л. В. Карсавин отмечает, что «философия истории определяется тремя своими основными задачами. Во-первых, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. Во-вторых, она рассматривает эти первоначала в единстве бытия и знания, т. е. указывает значение и место исторического в целом мира и в отношении к абсолютному Бытию. В-третьих, задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса» [11, с. 15].

Исходя из задач, стоящих перед философией истории, в XIX в. оформлялись и представления о ее содержании, которое включало в себя, во-первых, понимание философии истории как всеобщей или всемирной истории, обобщающей результаты, добытые исторической наукой и объединяющей их в стройную и цельную картину; во-вторых, философия истории рассматривается как учение об общем смысле и общих законах исторического процесса; в-третьих, под философией истории подразумевают науку об историческом познании, или логику исторического исследования [19]. Столь широкий круг задач, определявших содержание философии истории, нашел свое отражение в многообразных курсах, читаемых профессорами в российских университетах. Философия истории в университетских

курсах редко именовалась как курс по философии истории. В одних случаях философско-исторические проблемы излагались как теория истории, в других — как методология истории, чаще вопросы философии истории органично включались в курсы историографии и всеобщей истории, из которых и выводилась философско-историческая проблематика.

Одним из первых русских историков, обратившихся к философии истории, был профессор Московского университета Т. Н. Грановский, который в университетской актовой речи «О современном состоянии и значении всеобщей истории» (1852) в наиболее концентрированном виде излагает свое видение взаимосвязи всеобщей истории и философии истории, где подчеркивает, что «ни одна наука не подвергается в такой степени влиянию господствующих философских систем, как история» [6, с. 20], а в лекциях по истории средневековья добавляет: «Теперь философия стала необходимым пособием для истории, она дала ей направление к всеобщему, усилила ее средства и обогатила ее идеями, которые из самой истории не могли скоро развиться» [14, с. 42]. Ученый убедительно показал, что само понятие всеобщей истории стало возможным лишь по мере культурного развития человечества и, прежде всего, философии.

Философия истории Т. Н. Грановского, выступая мировоззренческой и методологической основой всеобщей истории, разительно отличалась от принятых среди современных ему отечественных и европейских историков концепций исторического процесса, которые преимущественно подчинялись исторической гносеологии, ориентированной на философские установки западноевропейского происхождения. Ученый отстаивает необходимость отказаться от самодостаточной, «все объясняющей» концепции истории, проявить большее внимание к материальным факторам в историческом процессе, использовать методы, подобные тем, которыми оперируют ученые-естественники. В его философии истории эпистемологические аспекты всеобщей истории рассматриваются на вполне определенном онтологическом основании, в качестве которых, по словам самого историка, выступает «живая действительность».

Понимание всеобщей истории, которая своим предметом имеет жизнь человечества во всем ее многообразии и многосторонности, позволяла ученому твердо стоять на конкретной исторической почве и не поступаться жизненностью конкретных фактов ради отвлеченных схем. В своих лекциях историк подчеркивает, что если всемирная история имеет дело с событиями в их связи между собой и носит эмпирический характер, то всеобщая история — это «биография человечества», а философия истории своим предметом имеет историческое измерение человеческого бытия, включающее историческое познание «бытия», настоящего и будущего.

В то время как западная историография была не в состоянии отделить универсальную историю от своей национальной, философско-историческая мысль России решала проблемы национального исторического бытия в его связи с мировым историческим процессом, раскрывала его новые ракурсы и отношения. Отличительной особенностью отечественной философии истории было то, что помимо восприятия исторического процесса как целостного и органичного, осмысление истории состоит не только в том, что жизнь русского народа представляется им как единый, из себя развивающийся своей внутренней жизненной силой организм; но и в том, что жизнь этого народа тесно связана с жизнью других европейских народов. Разрешение вопроса о соотношении общего и особенного в истории не только обогащало методологический инструментарий исторического исследования новыми методами — сравнительно-историческим и методом аналогий, но открывало новые возможности для сопоставления универсальной (всеобщей) и национальной истории, способствовало более глубокому постижению острых социально-политических проблем России.

Усилиями Т. Н. Грановского, а также его преемников и учеников по кафедре всеобщей истории — П. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, а также С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина, В. И. Герье, история обрела прочный статус академической науки, а философия истории все более внедрялась в систему университетского образования в России. В Московском, Санкт-Петербургском и Казанском университетах, а несколько позднее в Новороссийском и Киевском университетах философия истории преподавалась как теория истории. На историческом отделении Московского университета в 1884–1885 гг. В. О. Ключевский читал курс «Методология русской истории», который раскрывал природную и общественную среду, в которой обитает человек и их взаимодействие и на этой основе раскрывает понятия «общий исторический процесс» и «местный исторический процесс». Ряд его лекций был посвящен рассмотрению бытовавших в среде историков теорий Боссе, Лорана и Гегеля, отношению этих теорий к задачам исторического изучения. Особое внимание в последних лекциях Ключевский посвящает раскрытию собственного понимания исторического процесса, исторических методов исследования.

В Казанском университете в лекциях по методологии и философии истории, читаемых в 1912/13 уч. г., М. М. Хвостов излагает свои философско-исторические взгляды. Он обращает внимание на необходимость сотрудничества с философией для выработки методов исторической науки. Свое видение ученый изложил в трех частях — теория истории, методология истории и философия истории. Под философией истории М. М. Хвостов понимает более узкую область мышления, чем социология, и представляет ее как оценку исторического процесса с точки зрения мирозерцания, «т. е. ответ на вопрос о том, каков смысл исторического процесса и какова его ценность» [26, с. 5]. Поэтому в философии истории он, в частности, придает особое значение исследованию роли субъективного фактора в истории и динамики исторического развития, учению о прогрессе и регрессе в истории человечества.

Философское осмысление истории профессорами российских университетов своим результатом имело становление философии истории в качестве научной дисциплины. Опора на позитивистскую программу, критически переосмысленную отечественными историками, открывала новые перспективы для развития философии истории, ее освобождения от историософских наслоений, способствовала институционализации новых исторических дисциплин. Преподавание истории и философии истории в российских университетах в свою очередь обрело большую предметность и мировоззренческую направленность. Безраздельному влиянию эпистемологического подхода в преподавании всеобщей истории, его приложению к философии истории передовые русские ученые противопоставили обращение к онтологии исторического процесса. В отличие от классической европейской парадигмы философии истории, которая замыкается в стремлении выработать общее историческое мирозерцание, понимаемое как философское выяснение принципов самой истории и принципов познания истории, в русской университетской философии истории в этот период доминирует онтологическая проблематика, а эпистемологическая является вторичной.

Онтологический подход к изучению истории, последовательно реализованный в университетской философии истории в XIX — начале XX вв., способствовал дальнейшему развитию самобытного воззрения на историю, в котором традиции отечественной историософии были перенесены на почву исторической науки. Смещение акцента с исторической эпистемологии, когда история рассматривалась только как форма знания, к онтологии истории, не было случайным, поскольку обращение к онтологическим основаниям исторического процесса позволяло преодолеть умозрительное восприятие истории и осмыслить исторический опыт Европы, ее уроки в качестве необходимого момента в понимании места и роли России в мировой цивилизации.

Судьба русского народа рассматривалась русскими историками и философами как часть другого великого организма, также единого и живущего общею жизнью своих частей — Европы, цивилизованного человечества. Под философией истории в отечественной мысли всегда подразумевался синтез, «которым мыслящий человек охватывает всю совокупность истории человечества, ее ход и цель», отмечал В. Герье [4, с. 5–6]. Философия истории, по глубокому убеждению русского историка, дает возможность представить всю историю как единый и непрерывно развивающийся процесс. Но при этом, каждой эпохе, пишет Герье, свойственен особенный взгляд на историю, и поэтому каждая эпоха приступала к ее изучению со своими специфическими задачами и вопросами [5, с. 2].

Эволюция взглядов на историю наглядно демонстрирует как в тот или иной исторический период происходит изменение парадигмальных установок исторического познания. При этом время от времени лидирующее положение в общественном сознании вновь занимают именно историософские концепции. Так, в начале 80–90-х годов XX в. благодаря открывшимся возможностям знакомства с творчеством представителей русского религиозного Ренессанса в России имело место массовое увлечение русской религиозной философией, актуализировавшей интерес к историософии. Интерес публики к историософской проблематике не в меньшей степени был также связан со вступлением России в постсоветскую эпоху, остро поставившую «старые» вопросы об историческом предназначении страны, выборе пути цивилизационного развития. Появились самые разнообразные модели цивилизационного и культурно-исторического развития общества — от теории этногенеза Л. Н. Гумилева до замешанного на провиденциализме неоевразийства А. Г. Дугина. Современные отечественные общественно-политические и философские журналы по сей день не испытывают недостатка в публикациях о «судьбе России», выполненных в историософском духе.

На устойчивость интереса к историософским концепциям в современном российском обществе влияет целый ряд факторов. К основным из них отечественные исследователи относят следующие. «Дисциплинарное оформление истории, как и иных социально-гуманитарных наук, происходило значительно позже аналогичных процессов в естественных науках. Соответственно и научное сообщество в этих науках было более аморфным, в нем не было резкой грани между «профессионалами» и «эрудитами-любителями» (к которым, кстати говоря, можно отнести Шпенглера и Тойнби, Хомякова и Данилевского и целый ряд других историософов). В отличие от большинства других наук историки пишут свои работы не только для своих коллег, но и для широкой читающей публики, в которой, как уже отмечалось, неизбытен интерес к историософской тематике. К тому же история представляет собой науку так называемого «рефлексивного» типа: она надстраивается над значительным слоем донаучного исторического сознания, в том числе и над «народной историей» — складывающимися в повседневном сознании устойчивыми толкованиями ключевых событий национальной истории (в России к ним относятся, например, принятие христианства, монгольское иго, реформы Петра, отечественные войны и т. п.). В значительной степени это является той почвой, которая подпитывает историософские схемы.

Важным является также то обстоятельство, что в XX в. наметилась явная переоценка культурной и мировоззренческой значимости естественных и гуманитарных наук. ...Культурное и мировоззренческое значение социальных и гуманитарных наук резко возросло. То обстоятельство, что эти науки помогают прояснить смысл нашей жизни, что они дают связанное описание генезиса нашей теперешней ситуации, что они служат важным легитимизирующим обоснованием многих программ социальных, политических, экономических трансформаций, определяет их лидирующую роль в сфере человеческого знания. Историософии, которые в цельной

и конденсированной форме стремятся выполнить все эти функции, оказываются поэтому гораздо более устойчивыми и отвечающими социальным потребностям, чем натурфилософские построения, ориентированные на узкие группы приверженцев и знатоков» [23].

Поворот в сторону историософии обусловлен также общим снижением уровня образованности населения, активизацией религиозно-мифологического сознания в обществе. Сегодня в чудеса верят, пожалуй, не меньше, чем сто лет назад, с той лишь разницей, что современная мифология, рядящаяся в тогу идеологических одежд, в век информационных технологий имеет больше возможностей для своего распространения и влияния. Историософия, выстраиваемая не на принципах строгой научности, а на вере, не способствует росту национального самосознания народных масс. В новейшей истории она становится идеологическим инструментом, используемым национальными элитами в узкокорыстных социально-политических интересах. Показателен в этом отношении пример с марксистской концепцией материалистического понимания истории, слабость которой, по мнению известного отечественного историка И. М. Дьяконова, «заключалась прежде всего в том, что не было найдено убедительного движущего противоречия ни для первой, первобытной, формации, ни для последней, коммунистической. Поэтому коммунистическая формация рассматривалась как абсолютное гармоническое будущее — идея, восходящая к христианской апокалиптической эсхатологии и плохо вяжущаяся с материалистическим объяснением исторического процесса» [7, с. 7]. По существу, марксистская концепция носила историософский характер со всеми свойственными для этого исторического типа мышления чертами и основывалась на вере.

Чтобы научить людей критически воспринимать собственную историю, делать из ее уроков правильные выводы, привить способность к прогнозированию социальных процессов, недостаточно овладения историософскими концепциями и идеями. Историософия не может заменить научную философию истории, как нельзя подменить профессиональное знание предмета любительским к нему отношением. Системный характер, доказательность и обоснованность философско-исторических выводов не равнозначны историософским представлениям, основанным на традиционалистской системе ценностей. Эволюция от историософии к философии истории носит закономерный характер, несмотря на известные временные отклонения от этого движения. Общество нуждается в научно состоятельной философии истории для понимания ее проблем, уяснения единства и многообразия современной истории, закономерностей развития, осуществления осознанного выбора путей модернизации социально-экономической и политической систем.

Литература

1. Бердяев Н. А. О русской философии. Екатеринбург, 1991. Ч. 2.
2. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики // Н. А. Бердяев. Царство Духа и царство кесаря. М., 1995.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
4. Герье В. И. Очерк развития исторической мысли. М., 1865.
5. Герье В. И. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.
6. Грановский Т. О современном состоянии и значении всеобщей истории. М., 1852.
7. Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. Изд. 2-е, испр. М. : КомКнига, 2007.
8. Замалеев А. Ф. Идеи и направления отечественного любуомудрия. Лекции. Статьи. Критика. СПб. : Издательско-торговый дом «Летний сад», 2003.
9. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1.
10. Карасев Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 92–120.

11. Карсавин Л. В. Философия истории. СПб., 1993.
12. Кириллов И. Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1914.
13. Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. III. М., 1988.
14. Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский. М., 1961.
15. Малинов А. В. Очерки по философии истории в России: в 2 т. Т. 1. СПб. : Интерсоцис, 2013.
16. Перов Ю. В. Историчность и историческая реальность. СПб., 2000.
17. Послание старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984.
18. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Прологомены. М., 2001.
19. Русакова О. М. Предмет философии и методологии истории [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (дата обращения: 10.06.2017).
20. Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М. : Академический проект; Трикта. 2013.
21. Соловьев В. С. Соч. в 2 т. Т. 2. М. : «Правда». 1989.
22. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994.
23. Филатов В. П. История, историософия и методология истории [Электронный ресурс]. URL: http://spf.ff-rggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/ (дата обращения: 10.06.2017).
24. Философия истории / под ред А. С. Панарина. М. : Гардарики, 1999.
25. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
26. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
27. Чаадаев П. Я. Философические письма [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/312579-filosoficheskie-pisma.html> (дата обращения: 10.06.2017).

References

1. Berdyaev N. A. *About Russian Philosophy* [O russkoi filosofii]. Yekaterinburg, 1991. Part 2. (rus)
2. Berdyaev N. A. *Experience of eschatological metaphysics* [Opyt eskhatologicheskoi metafiziki] // Berdyaev N. A. The Realm of Spirit and the Realm of Caesar [Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya]. М., 1995. (rus)
3. Berdyaev N. A. *The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act* [Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva]. М., 1989. (rus)
4. Guerrier V. I. *Essay on the development of historical science* [Oчерk razvitiya istoricheskoi mysli]. М., 1865. (rus)
5. Guerrier V. I. *History of philosophy from Augustine to Hegel* [Filosofiya istorii ot Avgustina do Gegelya]. М., 1915. (rus)
6. Granovsky T. *About the current state and value of general history* [O sovremennom sostoyanii i znachenii vseobshchei istorii]. М., 1852. (rus)
7. Dyakonov I. M. *Ways of history: From the most ancient person up to now* [Puti istorii: Ot drevneishogo cheloveka do nashikh dnei]. 2nd edition. М. : Combook [KomKniga], 2007. (rus)
8. Zamaleev A. F. *Ideas and directions domestic love of wisdom. Lectures. Articles. Criticism* [Idei i napravleniya otechestvennogo lyubomudriya. Lektsii. Stat'i. Kritika]. SPb. : Publishing trading house "Summer garden" [Izdatel'sko-torgovyi dom «Letnii sad»], 2003. (rus)
9. Zenkovsky V. V. *History of the Russian philosophy* [Istoriya russkoi filosofii]. L., 1991. V. 1. P. 1. (rus)
10. Karasev L. V. *Russian idea (symbolics and sense)* [Russkaya ideya (simvolika i smysl)] // Philosophy Questions [Voprosy filosofii]. 1992. N 8. P. 92–120. (rus)
11. Karsavin L. V. *Philosophy of History* [Filosofiya istorii]. SPb., 1993. (rus)
12. Kirillov I. *The Third Rome. Sketch of historical development of the idea of the Russian Messianism* [Tretii Rim. Oчерk istoricheskogo razvitiya idei russkogo messianizma]. М., 1914. (rus)
13. Klyuchevsky V. O. *Compositions in nine volumes* [Soch. v 9 t.]. V. III. М., 1988. (rus)
14. *Lectures on Middle Ages history* [Lektsii po istorii srednevekov'ya] / T. N. Granovsky. М., 1961. (rus)
15. Malinov A. V. *Sketches on philosophy of history in Russia* [Oчерki po filosofii istorii v Rossii] in 2 v. V. 1. SPb. : Intersocis, 2013. (rus)
16. Perov Yu. V. *Historicity and historical reality* [Istorichnost' i istoricheskaya real'nost']. SPb., 2000. (rus)

17. *Message of the aged man Filofey* [Poslanie startsa Filofeya] // Monuments of literature of Ancient Russia. The end of XV th the first half of the XVIth century [Pamyatniki literatury Drevnei Rusi. Konets XV — pervaya polovina XVI v.]. M., 1984. (rus)
18. Rozov N. S. *Philosophy and theory of history. Book 1. Prolegomenons* [Filosofiya i teoriya istorii. Kn. 1. Prolegomeny]. M., 2001. (rus)
19. Rusakova O. M. *Subject of philosophy and methodology of history* [Predmet filosofii i metodologii istorii] [An electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predmet-filosofii-i-metodologii-istorii> (rus)
20. Semenov Yu. I. *Philosophy of History. General theory of historical process* [Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya istoricheskogo protsesssa]. M. : Academic project; Trixta [Akademicheskii proekt; Triksta]. 2013. (rus)
21. Solovyov V. S. *Compositions in two volumes* [Soch. v 2 t.]. V. 2. M. : Pravda. 1989. (rus)
22. Troeltsch Ernst. *Historicism and its problems* [Istorizm i ego problem]. M. : Lawyer [Yurist], 1994. (rus)
23. Filatov V. P. *History, historiography and methodology of history* [Istoriya, istoriosofiya i metodologiya istorii] [An electronic resource]. URL: http://spf.ff-rgggu.ru/prepod/filatov_v_p/istor_istoriosof_i_met_istor/ (rus)
24. *Philosophy of History* [Filosofiya istorii] / Under edition of A. S. Panarin. M. : Gardariki, 1999. (rus)
25. Frank S. L. *Spiritual bases of society* [Dukhovnye osnovy obshchestva]. M., 1992. (rus)
26. Hvoslov M. M. *Lectures on methodology and philosophy of history* [Leksii po metodologii i filosofii istorii]. M. : Book house "LIBROCOM". 2011. (rus)
27. Chaadayev P. Ya. *Philosophic letters* [Filosoficheskie pis'ma] [An electronic resource]. URL: <http://e-libra.ru/read/312579-filosoficheskie-pisma.html>. (rus)